

ВѢСТНИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

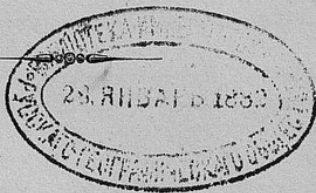
ИЗДАВАЕМЫЙ

подъ редакцію Секретаря Общества

Е. И. Ламанскаго.

—
1856.
—

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.

1856.

n. 26568.

Витима къ югу и къ юго-западу, свободно сообщаются между собою. Здѣсь не представляется большихъ затрудненій для сообщенія съ окрестностями лѣваго берега Витима. Братскіе и Тунгусы простираютъ свои кочевья на лѣвую сторону Витима до рѣчки Бугундуя, а въ-случаѣ неурожая травы въ этихъ мѣстахъ накашиваютъ сѣно въ долинахъ рѣки Амалата. Предѣлъ бѣлковья Братскихъ составляетъ среднее теченіе Амалата, иногда его устье; вершины другихъ рѣчекъ, текущихъ въ Цыпу, ниже Ваймы и Амалатъ. Вообще Братскіе не такъ склонны къ звѣринымъ промысламъ и боятся заходить далѣ этихъ мѣстъ, а ниже Цыпы почти никогда не промышляютъ. Изъ Джилдинскаго улуса и другихъ, расположенныхъ нѣсколько ниже по Витиму, есть прямыя пути въ г. Баргузинскъ, по которымъ они доходятъ дня въ три или четыре.

По Холою же вверхъ они доставляютъ скотъ въ Верхнеудинскъ.

Всѣ эти свѣдѣнія я получилъ во время пребыванія моего въ селеніяхъ Зюльзѣ и Кыкырѣ и въ братскихъ улусахъ, а также и отъ проводниковъ моихъ.

Въ полномъ журналѣ я сочту обязанностью говорить подробнѣе о всѣхъ мѣстахъ, посѣщаемыхъ промышленниками, сколько было возможно узнать изъ распросовъ, съ указаніемъ характера мѣстности и названія всѣхъ урочищъ, чрезъ которыя они проходятъ, и которыя служатъ главнымъ для нихъ промысломъ.

Представляя краткій отчетъ этотъ, я считаю долгомъ присокупить, что съ моей стороны были приложены всѣ старанія къ точному и добросовѣстному исполненію возложеннаго на меня порученія и удовлетворенію собственной любознательности; а потому, если бы трудъ мой не вполне достигалъ той цѣли, съ которою предпринималось путешествіе, не вполне соответствовали тѣмъ требованіямъ, какія заключаются въ обязанности, которой я имѣлъ честь удостоиться, то это можно отнести только къ тому, что я еще въ первый разъ былъ вызванъ на эту дѣятельность и не имѣлъ еще полного практическаго навыка, что составляетъ необходимое условіе при подобныхъ путешествіяхъ.

ПОРУЧИКЪ УСОЛЬЦОВЪ,

Астрономъ Сибирской Экспедиціи Императорскаго
Русскаго Географическаго Общества.

ПОКАЗАНІЕ СИБИРСКИХЪ КАЗАКОВЪ МИЛЮШИНА И БАТАРЫШКИНА, БЫВШИХЪ
ВЪ ПЛѢНУ У КОКАНЦЕВЪ СЪ 1849-ГО ПО 1852-Й ГОДЪ. Коканское вла-

дѣніе, начавшее свое быстрое возрастаніе съ конца прошлаго столѣтія, въ настоящее время занимаетъ весь бассейнъ верхней части теченія рѣки Сыра и по своей силѣ соперничаетъ съ Бухарою, стоявшею прежде во главѣ всѣхъ средне-азиатскихъ владѣній, образованныхъ узбеками. Несмотря на непосредственное сосѣдство наше съ Коканіею, страна эта остается для насъ и понынѣ почти совершенною terra incognita. Единственными источниками географическихъ свѣдѣній о ней служатъ поверхностныя и устарѣлыя замѣтки: *Рычкова*, основанная, вѣроятно, на показаніяхъ Миллера и Кушелева, бывшихъ въ Ташкентѣ въ 1739 году ⁽¹⁾. *Бурнашева* и *Поспѣлова*, посѣтившихъ этотъ городъ въ 1800 году ⁽²⁾, и *Назарова*, ходившаго въ Кокань въ 1813 году ⁽³⁾. Къ числу этихъ сочиненій должно еще прибавить распросныя статьи о Коканскомъ владѣніи и о Дикокаменныхъ Киргизахъ, помѣщенные въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» ⁽⁴⁾. Бѣдность географической литературы о Коканіи побуждаетъ меня сообщить Географическому Обществу отобранное мною, въ 1852 году, показаніе отъ сибирскихъ казаковъ Милюшина и Батарышкина, бывшихъ въ плѣну съ 1849 по 1852 годъ. Показаніе это я оставилъ совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ оно было сдѣлано наблюдательными и сметливыми казаками, а свои поясненія и замѣтки отнесъ въ примѣчанія.

«30 ноября 1849 года, часу въ десятомъ утра, мы двое (Федоръ Милюшинъ и Михайло Батарышкинъ) да казаки Николай Доможировъ, Андрей Коробейниковъ и Андрей Пономаревъ, всего пять человекъ, отправились изъ *Улу-тауской* станицы ⁽⁵⁾, верстъ за тридцать, на рыбный промыселъ на рѣку *Тамду* ⁽⁶⁾, взявъ съ собою три телѣги, запряженныя пятью лошадьми.

На другой день (1-го декабря), миновавъ рѣку *Сары-туртай*

(1) «Оренбургская Исторія», изданная въ 1759 году, и «Оренбургская Топографія» — въ 1762 году.

(2) «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1851 года, часть 1-я.

(3) «Записки Назарова о нѣкоторыхъ народахъ и земляхъ средней части Азіи», изданы отдѣльною брошюрою въ 1821 году.

(4) Книжки 3-я и 5-я.

(5) Близъ горъ Улу-тау, на границѣ Киргизскихъ стеней Сибирскаго и Оренбургскаго вѣдомствъ.

(6) Къ сѣверу отъ Улу-тау.

(Сюрули-тургай) и приближаясь уже къ рѣкѣ Тамлѣ, мы встрѣтили, часа за два до заката солнца, шайку акъ-мечетскихъ хищниковъ, состоявшую человекъ изъ ста Киргизъ-Кипчаковскаго рода, въ числѣ которыхъ находились батыри Бухарбай (?), Сои, сынъ извѣстнаго Байкадама, Сюндукъ и другіе.

Сначала показался только одинъ Киргизъ, съ увѣреніемъ, что онъ и его товарищи, оставшіеся сзади, не хищники, а ѣдутъ на розыскъ своего табуна; но ближе къ намъ онъ подѣхалъ не хотѣлъ. Вскорѣ явилась передъ нами вся шайка, которая, объявивъ, что пришла въ наши мѣста для грабежа, требовала, чтобы мы указали ей, гдѣ пасутся русскіе и киргизскіе табуны. Мы отвѣчали имъ наугадъ, просили насъ не тревожить, а, между тѣмъ, загородились телѣгами. Несмотря на это, хищники бросились на насъ; но мы отстрѣливались до заката солнца. Ночью они спѣшились и напали на насъ со всѣхъ сторонъ, при чемъ двухъ человекъ, Коробейникова и Пономарева, убили, взявъ головы ихъ въ торока, а остальныхъ насъ жестоко изранили и захватили въ плѣнъ. Я, Милюшинъ, имѣю четыре раны пиками, одну въ ухо и три въ поясницу, Батарышкинъ получилъ два сабельные удара въ голову и четыре удара пиками въ бокъ и въ поясницу, а Дожировъ былъ тяжело раненъ въ голову.

Хищники тащили насъ на арканѣ версты три, потомъ остановились у одной рывины и, послѣ совѣщанія, рѣшились доставить насъ въ Акъ-мечеть живыми. Насъ посадили на лошадей, связали и отправили съ семью Киргизами; а остальные поѣхали по направленію къ Улу-тау, для кражи лошадей.

Мы ѣхали двое сутокъ, а на третью, на сопровождавшихъ насъ хищниковъ, начало человекъ сорокъ преданныхъ русскому правительству Киргизовъ Богавалинскаго рода, подъ начальствомъ волостнаго султана Бабира. Киргизы эти ѣхали въ погоню за табуномъ, угнаннымъ хищническою тайкою послѣ взятія насъ въ плѣнъ. Освободивъ насъ, Богавалинцы велѣли намъ ѣхать прямо на *Кичи-тау* (?), гдѣ находились ихъ аулы, обѣщая прибыть туда вслѣдъ за нами. Въ это время мы похоронили одну изъ головъ убитыхъ нашихъ товарищей, а другая была доставлена хищниками въ Акъ-мечеть. Не успѣли Богавалинцы

(?) Бухарбай, вмѣстѣ съ Коканцами, неоднократно дѣлалъ набѣги на преданныхъ намъ Киргизовъ, но, въ 1853 году, оставилъ Коканцевъ и во время осады Акъ-мечети находился при нашемъ отрядѣ.

(?) Къ югу отъ Улу-тау.

отѣхать отъ насъ съ версту, какъ встрѣтились съ хищническою шайкою, отбившею ихъ табунъ, сразились съ нею, были разбиты и бѣжали, а мы опять попали въ плѣнъ. Послѣ этого мы ѣхали день и ночь, перемѣняя лошадей изъ захваченнаго табуна и останавливались только, чтобъ напоить коней. Съ нами обращались дорогою весьма дурно.

Мы приѣхали въ Акъ-мечеть на восьмой день (19 декабря) послѣ перваго захвата нашего въ плѣнъ (9). Якубъ-бекъ (10) былъ доволенъ грабежемъ, но бранилъ Киргизовъ, зачѣмъ они не привезли живыми всѣхъ пять человекъ. Изъ пригнанныхъ лошадей онъ взялъ себѣ половину, а другую раздѣлилъ между хищниками.

Акъ-мечеть имѣетъ видъ четырехугольника, величиною съ Оренбургское укрѣпленіе, находится отъ рѣки Сыра саженьяхъ во ста, окружена высокою глиняною стѣною и рвомъ; ворота имѣетъ однѣ, строеній немного — не болѣе тридцати. Въ укрѣпленіи есть небольшая мѣдная пушка на лафетѣ; а другая при насъ была отправлена впослѣдствіи сюда изъ Ташкента. Саженьяхъ въ пятидесяти отъ Акъ-мечети построена слободка, въ которой живутъ женатые. Служащихъ людей здѣсь человекъ двѣсти. Вблизи кочуетъ очень много Киргизовъ, которые занимаются земледѣіемъ и скотоводствомъ; но многіе изъ нихъ уходятъ на лѣто въ наши степи, что имъ не возбраняется. Окрестныя мѣста изрѣзаны канавами и заросли камышемъ. Лѣсу здѣсь довольно, но строеваго нѣтъ. (11).

На другой день послѣ нашего прибытія въ Акъ-мечеть насъ отправили въ Ташкентъ на двухколесной арбѣ (12), запряженной парой лошадей, подъ конвоемъ есаула и четырехъ верховыхъ. Отъ Акъ-мечети до Туркестана мы ѣхали по правой сторонѣ рѣки Сыра песчаною степью (13), далѣе до Ташкента

(9) Отъ Улу-тау до Акъ-мечети около 450 верстъ.

(10) Якубъ былъ въ то время начальникомъ, или *бекомъ* Акъ-мечети и всего пограничнаго коканскаго края по Сыръ-дарьѣ, ниже Азрета (Туркестана), находясь въ зависимости отъ правителя, или *шакима* ташкентскаго.

(11) Въ 1853 году мы имѣли случай удостовѣриться въ вѣрности описанія Акъ-мечети, сдѣланнаго Милюшинымъ и Батарышкинымъ. Это обстоятельство придаетъ особенную цѣну всему показанію.

(12) Подъ Акъ-мечетью я видѣлъ подобныя арбы. Онѣ поражаютъ громадностью своихъ размѣровъ. Діаметръ колесъ имѣетъ не менѣе сажени, и на столько же простирается разстояніе между колесами, или ширина хода арбы. Колеса ничѣмъ не окованы и не смазываются.

(13) Я ѣздилъ отъ Акъ-мечети вверхъ по правому берегу рѣки Сыра

степню же, но по большой дорогѣ, на которой встрѣчали селенія, обнесенныя стѣнами, а отъ Ташкента до Кокана—по мѣстности гористой, также черезъ селенія.

По всей дорогѣ мы видѣли много пашень, которыя обрабатываются Киргизами и жителями городовъ. Киргизы кочуютъ во множествѣ около Акъ-мечети, Туркестана, Ташкента и въ горахъ Кара-тау; а около Кокана встрѣчаются больше Кипчаки⁽¹⁴⁾. Пшеница, ячмень, просо и другіе роды хлѣба и овощей родятся въ Коканіи съ поливкою весьма хорошо⁽¹⁵⁾. Хлопчатая бумага разводится съ успѣхомъ. Жители городовъ занимаются, сверхъ-того, шелководствомъ и разведеніемъ винограда и разныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Луговъ въ Коканіи мы не видали⁽¹⁶⁾. Для корма скота сѣютъ траву *джюнориочка*, которую собираютъ 3, 4 и 5 разъ въ годъ⁽¹⁷⁾. Изъ домашняго скота особенно много верблюдовъ⁽¹⁸⁾. Лѣсовъ мы также не встрѣчали; но въ городахъ и селеніяхъ есть саженныя деревья: осина, тальникъ и фруктовая⁽¹⁹⁾.

На седьмой день по отбытіи изъ Акъ-мечети (17-го декабря)

только до *Джюлека*. Мѣстность на этомъ пространствѣ нельзя сказать, чтобъ была песчаная, дорога пролегаетъ болѣею частью чрезъ разливы, пашни, луга и лѣса или кустарникъ.

(14) *Кипчаки*—одинъ изъ родовъ Большой Казачей Орды.

(15) Въ этомъ отношеніи Коканія и низовья рѣки Сыра имѣютъ одинаковыя свойства.

(16) Берега Аму и Сыръ-дарьи весьма скудны лугами; только тамъ, гдѣ они понимаются повременамъ водою, образуется нѣчто похожее на луга, хотя камышь почти всегда заглушаетъ другія травы. Таковы, между-прочимъ, луга по дорогѣ изъ Акъ-мечети въ Джюлекъ. Вдали отъ воды среднеазиатскія степи не представляютъ вовсе луговъ.

(17) Въ низовьяхъ рѣки Сыра травосѣяніе еще не существуетъ.

(18) Въ низовьяхъ рѣки Сыра, напротивъ-того, земледѣльцы (изенчи) совсѣмъ не держатъ верблюдовъ, для которыхъ, по ихъ замѣчаніямъ, сыръ-дарьинскія травы весьма вредны.

(19) По берегу рѣки Сыра, отъ Акъ-мечети до Джюлека, встрѣчаются довольно обширныя лѣса, лиственные, состоящіе изъ *джиды* (дикаго финика), и хвойныя—изъ *саксаула*, *джангыла*, *джюзгуна* и другихъ мѣстныхъ деревьевъ или кустарниковъ; мѣстами попадаетъ даже *тополь*. Далѣе, по-мѣрѣ удаленія ташкентской дороги отъ Сыръ-дарьи, и вообще въ степныхъ мѣстахъ Коканія, очень вѣроятно, что кромѣ хвойныхъ кустарниковъ нѣтъ ничего; но вѣроятно также, что въ горахъ, и особенно около верховій Сыра, находятся лѣса, можетъ-быть, даже строевые. Въ восточной части Коканія Милушинъ и Батарышкинъ не были.

мы прибыли въ *Туркестанъ* (Азретъ) и пробыли тамъ сутки. Городъ этотъ имѣетъ болѣе тысячи домовъ, окруженъ стѣною, которая во многихъ мѣстахъ развалилась, и населенъ болѣею частью бѣглыми изъ разныхъ странъ. Одинъ сибирскій казакъ, по имени Алексѣи Пыжиковъ, служить тамъ сотникомъ (юзь-баша) у пушекъ.

Городъ *Чемкетъ*, лежащій на дорогѣ между Туркестаномъ и Ташкентомъ, имѣетъ версты двѣ въ длину и окруженъ прочною стѣною

Въ *Ташкентъ* мы пріѣхали на шестой или седьмой день по выѣздѣ изъ Туркестана (24 или 25 декабря). Городъ этотъ, первый въ Коканіи по торговлѣ, имѣетъ версть семь въ длину и до 80 т. жителей. Стѣна вокругъ него содержится въ исправности. Ташкентскій правитель, или хакимъ, ежегодно платитъ коканскому хану *закетъ* въ 80 т. тиллей и, сверхъ-того, дѣлаетъ *тартугъ* (подарки). Золотая *тилли* равняется 4 рублямъ серебромъ, серебряная *темыа* — 20 копѣйкамъ серебромъ, и мѣдная *пулг* — 3 копѣйкамъ ассигнаціями. *Закетъ* и *тартугъ* хакимъ возитъ самъ или отсылаетъ съ *пансадъ-башею* (пяти-сотеннымъ начальникомъ) и *юзь-башами*. Въ обоихъ случаяхъ, и то, и другое вручается двумъ *саркерамъ* (хранителямъ ханской казны, или казначеямъ), которые представляютъ ихъ хану чрезъ *минг-башу* (тысячникъ, первое лице послѣ хана). Не задолго до нашего пріѣзда, ташкентскій хакимъ, Кушъ-бекъ Нурмугаметъ, уѣхалъ съ *тартугомъ* въ Коканъ; поэтому на другой же день насъ отправили туда. ⁽²⁰⁾

Мы ѣхали чрезъ укрѣпленные города *Тай-тюбя* и *Теллу* и неукрѣпленный *Шайданъ* и переправились на паромѣ черезъ

⁽²⁰⁾ Чиновникъ Азіатскаго Департамента, коллежскій ассесоръ Бончъ-Осмоловскій, въ своихъ неизданныхъ замѣткахъ о коканскомъ владычествѣ въ низовьяхъ рѣки Сыра до 1853 года, между-прочимъ, говоритъ, что «хакимы, или правители, коканскихъ областей усиливаются часто до того, что ограничиваютъ свою зависимость отъ хана только однимъ взносомъ *закета*. Для усмиренія или отрѣшенія ихъ, ханъ бываетъ иногда принужденъ прибѣгать къ оружію.» Въ 1852 году, какъ увидимъ ниже, между ташкентскимъ ханомъ и коканскимъ ханомъ завязалась открытая война. Далѣе г. Осмоловскій замѣчаетъ, что «хакимамъ подчиняются беки, или начальники городовъ съ ихъ округами. Беки не имѣютъ никакихъ прямыхъ сношеній съ высшимъ коканскимъ правительствомъ, и часто перевороты въ ханствѣ не обнаруживаютъ на нихъ никакого вліянія, если отъ этихъ переворотовъ уцѣлѣетъ ихъ хакимъ.»

рѣку Сыръ-дарью, которая имѣетъ въ этомъ мѣстѣ около версты ширины и значительную глубину. Паромъ тащили лошади, пущенныя влავъ. Признаковъ судоходства на рѣкѣ мы не замѣтили.

Насъ привезли въ *Коканъ* на пятые сутки послѣ выѣзда изъ Ташкента (29 или 30 декабря) и доставили сначала въ полицію, а потомъ къ хану.

Коканскій ханъ *Худаяръ* (Худай-Ирали-ханъ), племянникъ хана Мугаммель-Галія, убитаго бухарскимъ эмиромъ, когда послѣдній завладѣлъ, лѣтъ восемь тому назадъ, Коканомъ, имѣетъ отъ роду 24 года. По молодости хана, тесть его, мнѣнь-баши *Мусульманъ-кулъ*, самоуправно распоряжается всѣми дѣлами Коканіи. Онъ отличается умомъ, строгостью и вѣрнымъ исполненіемъ шаріата. Происходя изъ Кипчаковъ, Мусульманъ кулъ роздалъ важнѣйшія мѣста въ ханствѣ своимъ однородцамъ, хотя прежде управленіе находилось въ рукахъ *Сартовъ* и хотя самъ ханъ *Сартъ*. ⁽²¹⁾

Большая часть хакимовъ и бековъ — Кипчаки, какъ, напри- мѣръ, въ Ташкентѣ *Кушъ-бекъ-Нурмугаммедъ*, въ Туркестанѣ *Назаръ-бекъ*, въ Хаджантѣ *Минбай*, въ Уратюпѣ *Ися-бекъ* и въ Маргуланѣ *Кушъ-бекъ-Утебай*. ⁽²²⁾ Кипчаки переселились въ города лѣтъ восемь тому назадъ. Они мало разнятся отъ *Сартовъ*. Изъ иностранцевъ въ Коканіи болѣе всего Бухарцевъ; есть также Индѣйцы, Кашгарцы, Авганцы и Евреи. Послѣдніе находятся въ презрѣніи. Индѣйцы болѣею частью ростовщики, а Евреи — красильщики. ⁽²³⁾

По соображеніямъ нашимъ, отъ *Акъ-мечети* до *Туркестана* должно полагать 350 верствъ, отъ *Туркестана* до *Ташкента* — 272, и, наконецъ, отъ *Ташкента* до *Кокана* 192. Отъ *Кокана* считается до *Уратюпа* 192 версты, до *Маргулана* 56 и до *Намангана* 48.

Къ хану былъ представленъ одинъ только *Доможировъ*, а мы стояли въ это время на ханскомъ дворѣ. Киргизы, сопровождав-

⁽²¹⁾ Милюшинъ и Батарышкинъ называютъ Сартами всѣхъ осѣдлыхъ Коканцевъ, не различая ни *Узбековъ*, ни *Таджековъ*. Коканскій ханъ родомъ изъ Узбековъ.

⁽²²⁾ Съ 1852 года произошли значительные перевороты въ составѣ управленія Коканіи; Мусульманъ-кулъ давно уже потерялъ свое мѣсто и значеніе.

⁽²³⁾ О Дикокаменныхъ Киргизахъ, или Бурутахъ, и о Каракалпакахъ Милюшинъ и Батарышкинъ не сообщили ничего.

шіе насъ отъ Акт-мечети до Кокана, увѣряли хана, будто бы во время ихъ набѣга за ними гнались казаки, но они убили двадцать-пять изъ нихъ, а трехъ, т.-е. насъ, захватили живыми. Ханъ далъ имъ по халату, а минъ-башѣ Мусульманъ-кулу приказалъ обрить намъ головы и передать насъ *раису* (верховному муллѣ), для обращенія въ мусульманскую вѣру. Вопреки, однако, совѣта нашихъ единовѣрцевъ Русскихъ, находящихся въ Коканѣ, мы двое сутокъ не соглашались на бритые головы, наконецъ на третьи уступили силѣ. Насъ обрили, перерядили въ азіатское платье и передали раису.

Въ самомъ Коканѣ бѣглыхъ Русскихъ и Татаръ будетъ около ста человекъ. Они встрѣчаются и въ другихъ городахъ и особенно въ Ташкентѣ, гдѣ ихъ даже болѣе, чѣмъ въ Коканѣ. Многіе изъ Русскихъ состоятъ въ ханской службѣ, но всѣ втайнѣ соблюдаютъ православную вѣру и желаютъ возвратиться на родину; ихъ удерживаетъ только боязнь наказанія. Изъ нихъ мы помнимъ имена: Степана Аверьянова, который служитъ юзъ-башею у орудій, Ивана Кузнецова, семиполатинскаго купеческаго сына, занимающагося торговлею, казака Ефима Мусова, солдата Митрофана Демина и казака Петра Коновалова.

У раиса мы прожили мѣсяца два (январь и февраль 1850 года). Тамъ насъ содержали хорошо, хотя и подъ присмотромъ, и, между-прочимъ, учили по-татарски; но обрѣзаться мы не соглашались, а когда, послѣ двухнедѣльной болѣзни, раисъ умеръ, мы ушли изъ его дома на волю и поселились у Степана Аверьянова, гдѣ жили мѣсяца два или три (съ марта 1850 года).

Прикащикъ купца Пичугина Иванъ Крестьяниновъ, пріѣхавшій въ это время изъ Петропавловска, одѣлъ насъ, далъ подъ росписку триста рублей ассигнаціями и просилъ саркера Сафыръ-Бая взять за насъ выкупъ; но тотъ не согласился. Тогда онъ думалъ отправить насъ потихоньку въ Россію съ своими работниками; но Иванъ Кузнецовъ не пустилъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Крестьяниновъ отправился съ караваномъ обратно въ Петропавловскъ. Мы послали съ нимъ прошеніе къ генераль-губернатору Западной Сибири объ освобожденіи насъ изъ плѣна. Послѣ этого отправился я, Михайла Батарышкинъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Кузнецовымъ, въ Ташкентъ просить вспомошествованія, для возвращенія на родину, у прикащика купца Зубова, Семена Ключарева, пользующагося тамъ большимъ уваженіемъ и извѣстнаго подъ именемъ Семенъ-бая (богатаго Семена), и привезъ отъ него сто рублей ассигнаціями. Мы продали свою одежду, и у

насъ составилось, такимъ-образомъ, рублей пятьсотъ денегъ, на которыя купили трехъ лошадей и разныхъ товаровъ и бѣжали изъ Кокана. Къ намъ присоединились еще двое Русскихъ, выдававшихъ себя за плѣнныхъ: мѣщанинъ Николай Аршиновъ и Федоръ Аверьяновъ, братъ Степана. Мы ѣхали подъ видомъ купцовъ, черезъ города *Шайданъ*, *Кара-Китай* и *Сайрамъ* на *Аулье-та*, откуда отправились степью. Это было въ юнѣ мѣсяцѣ 1850 года. Въ степи мы пришли на безводное мѣсто, три дня не имѣли воды, и изъ пяти лошадей у насъ пало три. Тогда мы рѣшились вернуться въ Аулье-та, продать тамъ свои товары, купить лошадей и нанять вожака къ Петропавловску или Семиполатинску.

Чрезъ двое сутокъ мы дошли до рѣки *Таласа* и далѣе слѣдовали вдоль по ней къ Аулье-та двадцать сутокъ: насъ задерживала болѣзнь Доможирова и Аршинова. Во время дороги пили чай и за неимѣніемъ пищи принуждены были зарѣзать одну изъ оставшихся у насъ двухъ лошадей, а на другой везли товары.

Не доходя за версту до Аулье-та встрѣтился намъ бекъ этого укрѣпленія и спросилъ, что мы за люди. Мы отвѣчали, что купцы, и что насъ ограбили Киргизы. Тогда онъ велѣлъ насъ накормить въ ближайшемъ аулѣ. Между-тѣмъ, онъ получилъ въ это время извѣстіе о нашемъ бѣгствѣ, о которомъ донесъ Иванъ Кузнецовъ. Кузнецовъ желалъ самъ съ нами ѣхать, чтобы получить прощеніе на родинѣ, и, вѣроятно, поэтому донесъ на насъ.

Въ Аулье-та насъ схватили и посадили въ яму, гдѣ мы просидѣли двѣнадцать сутокъ; потомъ насъ заковали и повезли на подводахъ въ Ташкентъ, въ который мы прибыли на четвертый день.

Въ Ташкентѣ насъ представили къ Кушъ-беку. Одинъ саркеръ, присутствовавшій при этомъ, совѣтовалъ насъ убить. Кушъ-бекъ послалъ его къ *кады* спросить, не противно ли это будетъ закону, и получилъ отвѣтъ посадить насъ въ яму, гдѣ мы просидѣли *сто-пять* дней и все это время питались подаваніями Ключарева.

Кушъ-бекъ, выпустивъ насъ на свободу, взялъ къ себѣ въ службу; но на самомъ дѣлѣ мы не имѣли никакихъ обязанностей. Намъ не давали даже ружей, и мы находились постоянно подъ присмотромъ. Въ это время умеръ Доможировъ, постоянно страдавшій отъ ранъ, нанесенныхъ ему Киргизами при взятіи насъ въ плѣнъ. Во время нахождения нашего при Кушъ-бекѣ, намъ удалось видѣть, какъ льютъ тамъ пушки. Этимъ занимается

одинъ только мастеръ въ цѣломъ краѣ, родомъ изъ Персіи. Мастерская его была сначала въ Коканѣ; но потомъ онъ перенесъ ее въ Ташкентъ.

Въ Коканіи каждый простой воинъ получаетъ по одному *тилли* (4 р. сер.) въ мѣсяцъ жалованья; а на время похода ему даютъ еще лошадь и оружіе. Начальники же — *пансадъ-баши* (пятисотенные), *юзъ-баши* (сотники), *пенджа-баши* (пятидесятники) и *длѣг-баши* (десятники) опредѣленнаго жалованья не имѣютъ. Воины вооружены различно: *пайзадары* имѣютъ только однѣ пики, *мергени* — ружья, *батыры* — сабли. *Шамхалы*, или крѣпостныя ружья, возятся на верблюдахъ.

Въ маѣ прошлаго 1851 года мы вторично подали прошеніе, объ освобожденіи насъ изъ плѣна, генераль-губернатору Западной Сибири и оренбургскому военному губернатору и послали ихъ съ прикащикомъ Ключаревымъ. Ключаревъ вернулся въ Ташкентъ въ декабрѣ мѣсяцѣ. Кушъ-бекъ отдалъ насъ ему, сначала безъ всякаго выкупа, за одни подарки; но въ это время Караванъ-башъ Агиллы, котораго генераль-губернаторъ Западной Сибири хотѣлъ задержать въ Россіи, покуда мы не будемъ возвращены, убѣждалъ Кушъ-бека отдать насъ ему, для препровожденія въ Россію; въ противномъ случаѣ совѣтовалъ требовать съ Ключарева побольше денегъ. Пичугинскій прикащикъ тоже хотѣлъ, чтобы насъ отдали ему. Ключаревъ нашелся вынужденнымъ заплатить Кушъ-беку выкупъ. Мы выѣхали изъ Ташкента съ караваномъ 24 апрѣля 1852 года, слѣдовали чрезъ городъ Туркестанъ, озеро Теле-куль и степью на рѣки Джиланчикъ и Тургай и прибыли въ Оренбургское укрѣпленіе 26 мая, въ Орскую крѣпость 15 іюля и въ Оренбургъ. 20 Ключаревъ остался въ Ташкентѣ. ⁽²⁴⁾

Во время пребыванія нашего въ Коканіи въ 1850 и 1851 годахъ, ханъ ежегодно, разъ по пяти, ходилъ въ походъ для усмиренія бека города Уратюпя, который не хотѣлъ ему повиноваться, но каждый разъ возвращался безъ успѣха, потому что городъ Уратюпя защищенъ хорошою крѣпостью. Наконецъ, нынѣшнюю зиму, бекъ покорился хану добровольно.

Въ нынѣшнемъ 1852 году между коканскимъ ханомъ и ташкентскимъ хакимомъ произошло несогласіе, поводомъ къ кото-

⁽²⁴⁾ Ключаревъ прибылъ въ Оренбургъ вѣздѣ за Милушинымъ и Батарышкинымъ. Показаніе его, по всей вѣроятности, не менѣе любопытно; но, къ сожалѣнію, оно остается въ неизвѣстности.

рому было слѣдующее обстоятельство. Въ январѣ мѣсяцѣ Кушъ-бекъ ѣздилъ въ Коканъ съ тартугомъ. Во время его отсутствія въ Туркестанѣ и Ташкентѣ составилъ заговоръ побить Кипчакъ, завладѣвшихъ всѣми должностями въ ханствѣ. Заговоръ былъ открытъ, и въ Туркестанѣ казнили человѣкъ двѣсти, а въ Ташкентѣ человѣкъ двадцать. Замѣшанный въ этомъ дѣлѣ *Мурзи-баша*, первый чиновникъ при Кушъ-бекѣ, отправленъ былъ на судъ въ Коканъ. Тогда Мурза-баша донесъ минъ-башѣ Мусульманъ-кулу, что Кушъ-бекъ и два саркера, принимавшіе отъ него тартугъ въ казну, утаили въ свою пользу значительную часть подарковъ. Саркеры, боясь наказанія, бѣжали въ Ташкентъ, вмѣстѣ съ сыномъ Кушъ-бека. Ханъ потребовалъ ихъ выдачи; но Кушъ-бекъ отказалъ ему въ повиновеніи, пока не будетъ удаленъ Мусульманъ-кулъ. Въ февралѣ ханъ, съ сорока тысячами войска, осадилъ Ташкентъ, въ которомъ оборонялось тысячь пятьдесятъ. У Коканцевъ было двѣнадцать орудій, а у Ташкентцевъ восемь; но съ переходомъ бѣковъ городовъ Ура-тюпа, Ходжанта и Маргулана изъ коканскаго лагеря въ городъ у обѣихъ сторонъ осталось по ровному числу орудій — по десяти. Ханъ, простоявъ передъ Ташкентомъ шестнадцать дней, во время которыхъ стрѣляли изъ пушекъ и съ той и съ другой стороны, вернулся назадъ; но въ Ташкентѣ, передъ нашимъ отъѣздомъ, ожидали вторичной осады.

А. МАКШЕЕВЪ,

Д. Чл. Общ.

СВѢДѢНІЯ О КУЗНЕЧНОМЪ МАСТЕРСТВѢ ВЪ ШУЙСКОМЪ УѢЗДѢ. Шуйскій уѣздъ, сверхъ своего огромнаго произволства тканыхъ и набивныхъ бумажныхъ издѣлій, вырабатываемыхъ въ разныхъ видахъ, заключаетъ въ себѣ и другія многія отрасли промышленности, поддерживающія благостояніе народа. Къ числу такихъ отдѣльныхъ занятій жителей принадлежитъ и кузнечное мастерство. Конечно, эта отрасль народной промышленности, въ сравненіи съ нѣкоторыми прочими, можетъ показаться менѣе значительною, но все же она стоить вниманія быть извѣстною и даже потому, что сравнительно съ прочими уѣздами Владимірской губерніи бывають здѣсь достаточныя требованія желѣзныхъ издѣлій по причинѣ мануфактурности уѣзда.

Въ городѣ и уѣздѣ кузницы, постоянно находящихся въ ходу, считается до 43 (кромѣ 36 кузницъ харитоновскихъ), съ 86 горнами, при которыхъ не менѣе 250 человѣкъ работниковъ,